

Е.Ф. Литвинова

Фрэнсис Бэкон

**Его жизнь, научные труды и
общественная деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е11

Е.Ф. Литвинова
Е11 Фрэнсис Бэкон: Его жизнь, научные труды и общественная деятельность / Е.
Ф. Литвинова – М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-2466-2

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839 1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы профессия.

ISBN 978-5-4241-2466-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Е.Ф. Литвинова, 2021

Е. Ф. Литвинова
Фрэнсис Бэкон. Его жизнь,
научные труды и общественная
деятельность

*Биографический очерк Е. Ф. Литви-
новой*

*С портретом Ф. Бэкона, гравирован-
ным в Лейпциге Геданом*

Введение

Биография Бэкона не будит в душе нашей никаких возвышенных чувств, не вызывает ни умиления, ни благоговения. Мы проникаемся только холодным почтением к его умственным силам и стараемся отдать ему справедливость за оказанные человечеству услуги. Услуги эти действительно велики, и их легче всего и лучше всего можно оценить в наш век – век чудес науки. Бэкон ведь давно уже заслужил звание философа изобретений. Он не раз с гордостью говорил: «Я поручаю свое имя векам, отдаленным потомкам и чужим нациям», – рассчитывая, конечно, на то, что отдаленные потомки и чужие нации будут знать его только как основателя реальной философии, как гениального мыслителя, но что до них не дойдут подробности его жизни, запятнавшие его имя. Случилось не так. Отдаленные потомки в настоящее время меньше знают о его заслугах, чем о недостатках, и даже люди, ничего не читавшие о Бэконе, по слухам утверждают, что Бэкон доказал совместимость гения с низостью характера! Такое исключительное положение Бэкона налагает особые обязанности на пишущего его биографию. Приходится не только разворачивать перед читателем его жизнь, говорить о его ученых трудах, но также быть судьей его поступков, рассматривать их с точки зрения нравственности и касаться при этом общих вопросов, сюда относящихся, не вдаваясь, разумеется, в ненужные подробности.

К сожалению, первые двадцать лет жизни Бэкона нам известны мало; но его общественная деятельность, история его падения и другие поступки, пятнающие его имя, переданы во всех сочинениях о Бэконе с самыми живыми подробностями. И не надо иметь большого воображения для того, чтобы они навсегда врезались в память. Мы выбрали из всего имевшегося в нашем распоряжении материала только наиболее достоверное, тщательно избегая излюбленных вариаций на эту тему, которые объясняются тем, что всякий, кто пишет биографию Бэкона, бывает поражен контрастом между его умственной деятельностью и жизнью. Современники относились к нему снисходительнее, чем потомки, потому что менее высоко ценили его как философа...

Ввиду упомянутого исключительного положения Бэкона мы позволили себе в последних главах этой книги провести параллель между Бэконом-философом и Бэконом-человеком и общественным деятелем. Первые четыре главы мы посвятили главным событиям жизни Бэкона и его характеристике как общественного деятеля. В пятой главе читатель познакомится в общих чертах с философией и логикой Бэкона, а в шестой найдет краткое изложение энциклопедии Бэкона, имевшей большое влияние на энциклопедию XVIII века.

Глава I

Родословные Бэконов и Сесилей. Отличительный характер сословия, к которому принадлежали оба семейства. – Отец и мать Бэкона. – Юность Бэкона, его занятия и путешествия. – Смерть отца. – Бэкон против воли избирает юридическую деятельность. – Отношение королевы Елизаветы к Бэкону. – Бэкон – депутат палаты общин. – Первая речь Бэкона заслуживает немилость королевы. – Раскаяние и попытки смягчить гнев королевы. – Первое знакомство с графом Эссексом

Жизнь великого человека всегда привлекает внимание и современников, и отдаленных потомков; так естественно и сильно желание объяснить происхождение необыкновенных дарований, в чем бы они ни проявлялись: в математике, в философии, в общественной деятельности, в музыке. Но условия, создающие гениальность, остаются неуловимыми, несмотря на целые трактаты, посвященные этому предмету. Биография гения не выясняет, почему и как данный человек стал гением – и именно потому, что гениями не делаются, а рождаются. Она только исследует условия, направлявшие деятельность великого человека и ее проявления. Эти условия распадаются на внешние и внутренние; к последним относятся характер человека и такие прирожденные свойства, которые не связаны с гениальностью, но оказывают влияние на ее развитие. Внешними же условиями определяются многие особенности деятельности, главным образом в том случае, когда мы имеем дело с писателями, общественными деятелями или философами. Математики и естествоиспытатели в этом отношении являются более независимыми от окружающей их среды.

Гёте справедливо говорил, что талант развивается в тишине, а характер образуется среди житейских волнений. Характер Бэкона не в узком, а в самом широком значении этого слова проявился в его философии. Бэкон никогда не был кабинетным ученым. Он был светским человеком более, чем всякий другой философ. Он никогда не мог примириться с уединенной жизнью ученых и говорил: «Понятия ученых так же узки, как их кабинеты, как монастыри и монастырские школы, в которых они живут как в тюрьме, не зная света, природы и века».

Практическая жизнь и деятельность наложила свою печать на философию Бэкона и придала ей особую оригинальность. Бэкон сам как нельзя лучше сознавал свои особенности и считал их преимуществами, упрекая ученых в недостатке тех умственных качеств, которые можно приобрести только из практической жизни, то есть из понимания житейских дел и гражданского благоразумия.

Маколей сравнивал философию Бэкона с парящим ангелом, а Куно Фишер справедливее говорит, что Бэкон стремился отучить философию от заоблачных полетов; он желал оборвать у нее крылья или по крайней мере привязать к ним гирю, чтобы удерживать ее на земле, среди земных нужд, радостей и печалей, от которых Бэкон сам никогда не отрывался. Это в наших глазах придает особенный интерес жизни Бэкона. Сверх того она, и независимо от связи с его философией, возбуждает много вопросов нравственного характера, вызывающих с каждым днем все больший и больший интерес в нашем обществе.

В настоящее время наследственность придают такое большое значение при

изучении и объяснении характера, что начинать биографию знаменитого человека с его предков является необходимостью. К сожалению, это не всегда возможно. Составляя биографию человека, жившего двести лет тому назад, мы, конечно, пользуемся уже существующими биографиями, в которых редко находим сведения о деде и прадеде великого человека; большей частью все ограничивается несколькими словами о родителях. Это общее замечание относится также и к биографии Бэкона. Мы имеем только родословные Бэконов и Сесилей, из которых узнаем, что дед Бэкона, Роберт Бэкон, был родом из Суффолка (Suffolk), женился на Елизавете Кэдж и оставил после себя сына Николаса (отца Фрэнсиса), имевшего от брака с Энн Кук, дочь Ею Энтони Кука, двух сыновей – Энтони и Фрэнсиса; последний был женат на Элис Бэрнгэм и не оставил после себя детей. Дядя Фрэнсиса Бэкона, Вильям Сесиль (женатый на сестре его матери), лорд Бюрлейг, был отцом Роберта Сесили, лорда Солсбери. Вот и все, что мы встречаем по части родословной в известных нам биографиях Бэкона.

Итак, приходится начинать с родителей Бэкона. Класс людей, к которым принадлежал по своему общественному положению отец Бэкона, был неизвестен в древности и даже мало распространен в средние века: это было служилое сословие – чиновники, занимавшие административные должности по назначению правительства. В Англии этот класс сделался заметным при Тюдорах. Правительство поддерживало служилых людей, окружая их почетом, давая им привилегии, потому что они были его слугами. Исключительное положение должностных лиц отразилось на их нравственных воззрениях. Верный, исполнительный слуга своего господина позволял себе презрительно относиться к обществу, от которого он был вполне независим. Все старания бюрократа, весь его ум был направлен на то, чтобы держаться на месте. Сесили, отец и сын, в царствование Елизаветы и ее наследника, могут служить образцами такого рода чиновников. Оба они были ловкими министрами. Среди таких людей выдающихся личностей было немного, и тем более трудно было встретить между ними философа. К этому-то миру чиновников, узкому и заеденному формальным отпращиванием обязанностей, принадлежало семейство Бэконов. Но и в этом мире, разумеется, попадались достойные люди; к числу последних принадлежал отец Фрэнсиса, Николас Бэкон. Отсутствие честолюбия предохраняло его от желания чересчур угождать властям и постоянно выслуживаться, хотя он был искренне и глубоко предан королевской власти. Николас Бэкон не стремился попасть в пэры, и девизом его всегда была «непоколебимая умеренность». В то же время это был человек весьма способный и деятельный. Благодаря этим качествам и близкому родству с Сесилем ему удалось, однако, сделаться хранителем большой печати – добиться важного звания, которое он сохранял до своей смерти.

Итак, более двадцати лет место лорда-хранителя большой печати в царствование Елизаветы принадлежало Николасу Бэкону. Он родился в 1510 году и происходил из рода, пользовавшегося известностью. Отличительной чертой его характера была величайшая осторожность в поступках и умение *приспособляться* к духу времени. Эти свойства доходили в нем до того, что в царствование Марии он сумел прикинуться католиком. В обыденной жизни, как и в общественной, отец Бэкона был человек простой, не зараженный ненасытным честолюбием, умеренный в своих привычках и обладающий здравым смыслом. Он всегда обращал внимание на суть дела, и его очень трудно было провести пустыми,

громкими *фразами*.

Мать Бэкона справедливо пользовалась славой одной из образованнейших женщин своего времени. Нам известно, что в то время в Англии женщины отличались большой начитанностью и любовью к литературе. Леди Грэй читала Федона в подлиннике; чтение служило ей отрадой в тяжелые минуты. Принцесса Елизавета говорила на многих языках и переписывалась со своим учителем по-гречески. Все пять дочерей Энтони Кука считались еще учение принцессы. Вторая из них, Энн, вышла замуж за Николаса Бэкона. У них было, как мы скажем, два сына – Энтони и Фрэнсис.

Современники утверждали, что мать Фрэнсиса Бэкона прекрасно владела греческим языком, была хорошо знакома с теологией и отличалась некоторым свободомыслием в религии.

Фрэнсис Бэкон родился 22 января 1561 года в Йоркхаузе (York House), в доме отца в Лондоне. Он рос слабым и болезненным ребенком, но рано обнаружил необыкновенные умственные способности и любознательность. Явления природы особенно останавливали его внимание. Все находили, что по уму он в мать. Он напоминал свою мать и нежными, тонкими чертами лица, обрамленного чудными локонами. Королева Елизавета пришла в восторг, увидев впервые прекрасного мальчика. Она долго с удовольствием разговаривала с ним и назвала его своим маленьким лордом-хранителем большой печати.

В 1573 году, тринадцати лет, Бэкон поступил в Кембриджский университет и через три года вышел оттуда, не получив никакой ученой степени, глубоко неудовлетворенный преподаванием всех предметов и главным образом лекциями философии, о которых он не мог равнодушно говорить. Он тогда уже начал мечтать о перевороте в науках. Известно, что Декарт в те же годы задумал свои преобразования в области философии.

Вскоре по выходе из университета Бэкон отправился путешествовать; в то время это считалось необходимым довершением образования каждого англичанина, принадлежавшего к хорошему семейству. Бэкон объехал часть Франции и поселился в Париже.

Итак, о первых двенадцати годах жизни Бэкона нам известно мало. Воображение рисует прекрасного мальчика, который тихо рос и быстро развивался в тенистых садах, расположенных на красивых берегах Темзы. Того немногого, что нам известно о родителях Бэкона, достаточно, однако, для составления понятия о главных условиях первоначального развития философа и человека. Мать любила рассуждать о религии; такие разговоры должны были рано направить ум Фрэнсиса на стезю философии, к которой он имел склонность, унаследованную от матери. В то же время от отца он мог заимствовать нелюбовь к «словам, словам и словам!» Все это, вместе взятое, объясняет отрицательное отношение тринадцатилетнего мальчика к формальной философии, преподававшейся в то время в Кембриджском университете. Замечательно, что в тринадцать лет мы находим в Бэcone задатки будущего творца реальной философии. Итак, в умственном отношении первые годы жизни Бэкона, проведенные под влиянием отца и матери, принесли ему большую пользу. Посмотрим теперь, среди каких условий развивался нравственный характер Бэкона. Мать его очень свободно относилась к религии и не могла ему внушить твердых, неизменных нравственных правил, в которых воспитала своего гениального сына строгая, религиозная

мать Канта. Отец Бэкона и семейство Бюрлейгов принадлежали к людям, которые ни в коем случае не могли развить в нем нравственных принципов; их нравственность, как мы сказали, была относительной, эластичной, дочерью не только времени, но и обстоятельств. Такое безразличное отношение к нравственным принципам Бэкон вынес из дома своих родителей вместе с широким умственным развитием и с ними вступил в жизнь. Он не был злым и испорченным юношей; напротив, все знавшие его при жизни отца находили его мягким, приветливым, приятным в обращении, живым, остроумным. Если бы жизнь Бэкона с самого начала пошла ровно и гладко, он вероятно, как и его отец, оставил бы после себя незапятнанное имя и прожил бы мирно, как жил во Франции, когда находился на попечении заботливого родителя.

В Париже в то время, когда там жил молодой Бэкон, было столько различных партий, что всякий человек находил себе единомышленников и не чувствовал себя чужим. Бэкону представлялось множество случаев наблюдать различные течения тогдашней европейской политики. Вскоре он был представлен английскому посланнику в Париже, и на него стали возлагать дипломатические обязанности. Во время этих экскурсий в область дипломатии Бэкон изобрел шифрованное письмо, которым затем пользовался, когда писал философские трактаты. Но самым ценным приобретением были наблюдения над положением различных европейских государств; из его заметок, относящихся к этому предмету, видно, что он верно понимал характер правителей и хорошо знал положение финансов каждой страны. В доказательство приведем его мнение о Генрихе III: «Генриху III тридцать лет; он человек слабого сложения, со всеми физическими недостатками, ведет жизнь неправильную, слишком предается удовольствиям и любит только танцы и празднества. В нем нет большого ума, но он приятен в обращении... Без открытой войны, по-видимому бездействуя, он, однако, не теряет времени, чтобы обессилить своих врагов».

К таким суждениям Бэкон, очевидно, был подготовлен ранним знакомством с жизнью.

Молодой Бэкон, живя по Франции, как видно, спокойно смотрел вперед; сын уважаемого отца, обеспеченный, образованный, богато одаренный от природы, он мог рассчитывать вскоре приобрести видное положение и славу, как только это будет нужно. В приятном ожидании того и другого можно было не торопиться, путешествовать, наблюдать жизнь с высоты птичьего полета, предаваться размышлениям. Но как раз в это время условия его жизни совершенно изменились. Бэкон находился в Пуатье в то время, как получил поразившее его известие о смерти отца; это случилось 20 февраля 1579 года. Бэкон понял свое новое положение и вернулся в Англию. Состояние его отца было невелико, хотя он значительно обогатился, потому что, согласно обычаю, наделен был поместьями, отнятыми у церкви. Прекраснейшее из них – Горгамбури близ Сент-Албана – отличалось великолепными садами, разбитыми и разведенными Николасом Бэконом; но поместье это наследовал, как старший сын хранителя печати, Энтони Бэкон. Вместе с замком и принадлежащими ему землями Энтони наследовал скромность и честность своего отца. Физические недостатки препятствовали Энтони играть видную роль в общественной деятельности, но он считался в кругу знавших его людей чрезвычайно дальновидным, тонким политиком. Многие отдавали ему в некоторых отношениях преимущество перед Фрэнсисом.

Он всегда был в хороших отношениях со своим младшим братом, но никогда не входил в его положение и ничем ему не помогал. Бэкон, таким образом, из обеспеченного юноши превратился в молодого человека, предоставленного самому себе; у него не было ни своего замка, ни сильного покровителя. Отец позаботился о нем при жизни и отложил капитал для покупки имения своему младшему сыну, но так как он не успел этого сделать, то после его смерти собранный капитал поделили поровну между всеми наследниками. Таким образом, Фрэнсис Бэкон очутился на пороге жизни в положении очень стесненном. Ему предстояло избрать юридическую карьеру. Но он не чувствовал к ней ни малейшей склонности и возлагал всю надежду на покровительство своего дяди, лорда Бюрлейга; скоро ему, однако, пришлось убедиться, как мало можно рассчитывать на покровительство богатых и знатных родственников. Несмотря на то, он долгое время неотступно просил Бюрлейга дать ему какое-нибудь место. Избалованный, не привыкший к нужде, Бэкон глубоко страдал и готов был на всякое унижение, чтобы только умиловить своего богатого родственника. Но дядя отвечал племяннику пренебрежительной холодностью, причину которой никто не мог объяснить. Впоследствии Бэкон говорил, что его дядя был таков со всеми, что он систематически устранял от деятельности всех способных людей. Предполагали, что это делалось с целью устроить получше своих детей, в частности своего второго сына Роберта, на которого он возлагал большие надежды. И действительно, отцу удалось передать сыну свое место. Но все это не могло помешать дяде помочь и племяннику. Не мог же гордый Бюрлейг думать, что Бэкон перебьет дорогу его детям.

Мы сказали, что Бэкон склонял свою голову перед влиятельным родственником, но он смотрел на это как на временное и скоропреходящее унижение. Старый дядя чувствовал умственное превосходство молодого племянника и видел, что последний знал себе цену. Ему вообще не нравились смелые идеи, – его выводило из себя и раздражало все незаурядное. Он с презрением говорил о племяннике: «Фрэнсис – человек отвлеченный». Такое обращение раздражало Бэкона; неудачи не закаляли его души, а напротив, распаляли желание во что бы то ни стало выбиться из зависимого положения; в нем развивались мелочные чувства. Неволья заставила его в конце концов сделаться юристом. Ему пришлось начать с того же, с чего начинается всякий скромный студент: он поступил в Gray's Inn, куда поступали все готовящиеся к званию судей или к поприщу адвоката. В этом учреждении всем служащим предоставлялись квартиры на всю жизнь. И Бэкон под старость, лишившись своего дома в Лондоне (Йоркхауз), останавливался там, когда приезжал из Горгамбури в Лондон. Долгое время показывали комнаты, в которых он жил, и посаженные им деревья. В царствование Карла II аллеи Бэкона были модным, любимым местом прогулки, но теперь они не существуют; комнаты Бэкона также давно уничтожены пожаром.

Бэкон вскоре приобрел солидные и основательные знания в юридических науках, но все же занимался ими неохотно. Впрочем, само учреждение, где он провел свои молодые годы, было ему всегда дорого, и он постоянно украшал свое пожизненное помещение, хотя очень долгое время его не занимал.

Существует основание предполагать, что и в то время Бэкон занимался философией. Он сам подтверждает это предположение, но не говорит ни о каких внешних условиях, вызывавших в нем в то время интерес к философским вопро-

сам. Главный источник, конечно, находился в нем самом, но соприкосновение с людьми также должно было оказать свое влияние. Известно, что в Лондоне находился в то время неаполитанец Бруно, изгнанный из своего отечества за свободомыслие; он переводил философские сочинения и занимался литературой. Елизавете он был представлен посланником Генриха III; она приняла Бруно в высшей степени благосклонно, и он называл ее Семирамидой и Клеопатрой, Дианой и Амфитритой. Замечательнее всего, что Бруно дозволено было в присутствии сконфуженных профессоров защищать движение Земли и беспредельность вселенной.

Впоследствии Бруно описал это путешествие в Англию; он жаловался на невежество лондонских профессоров и смеялся над жалким положением английской науки. Действительно, в университете вместо живой науки царствовала тогда повальная формалистика. Профессора заботились только о том, чтобы выучить наизусть Аристотеля и затем торговать правилами «Органона», объясняя каждое из них ученикам за пять шиллингов платы.

Бэкон только раз мельком упоминает о Бруно, однако трудно допустить, чтобы он не знал человека, о котором одно время говорил весь Лондон. Впрочем, из сочинений Бэкона мы видим, что он не признавал даже великих открытий своего современника Галилея. Но, может быть, на него возбуждающе действовало самое отношение Бруно к авторитетам? Во всяком случае, то же отношение мы находим у самого Бэкона, и он оставался верен ему всю жизнь.

Предаваясь философии, Бэкон не забывал, — или, вернее, не мог забыть, — что ему необходимо не только размышлять, но и действовать, — одним словом, он торопился начать свою общественную деятельность. Вскоре ему удалось получить место асессора, а потом ректора в том же Gray's Inn; но как он сам относился к юриспруденции свысока, так и юристы относились к нему. Его не признавали истинным юристом, потому что он вносил в этот предмет философскую точку зрения. Секретарь графа Эссекса отзывался о его юридических трудах так: «Сумасшедший не мог бы написать этого, а благоразумный человек не осмелился бы этого сказать». Из последнего замечания видно, что Бэкон в молодости не скрывал своих убеждений, проявлял свою оригинальность, хотя замечал, что она пугает других, и не воздерживался от острот, хотя наживал себе ими врагов. Между последними особенно замечен Эдуард Кук. Это был человек, имевший узкие взгляды, но делец, самый ловкий и богатый адвокат в Лондоне. Трудно было тягаться с ним Бэкону, которому в то же время приходилось бороться с бедностью и неизвестностью. Бэкону оставалось только одно: защищая процессы, возбужденные казней, угождать правительству. Королева Елизавета, подчиняясь общему мнению, также находила, что Бэкон, хотя очень умен и образован, но не глубокий юрист. Несмотря на это, она сделала его своим экстраординарным советником. Это было совершенно новое звание; оно давало ему право являться защитником во всех процессах казны и носить шелковое платье при исполнении обязанностей. А главное, предоставляло возможность видеть иногда королеву и беседовать с нею. Королева с удовольствием разговаривала с Бэконом; он успешно вел ее дела, но дальше не продвигался.

Бэкон с блестящим остроумием ответил на один памфлет, направленный против правительства, удачно защищал память своего отца и восхвалял мудрое правление Бюрлейга. Его хвалили, но ему не хватало существенного, — он был